

Клайв Стейплз Льюис

Баламут предлагает тост

Перевод Т. О. Шапошниковой под ред. Н. Л. Трауберг.

Введение

Меня часто просили продолжить «Письма Баламута», но много лет мне очень не хотелось этого делать. Никогда не писал я с такой легкостью, никогда не писал с меньшей радостью. Легкость, конечно, вызвана тем, что принцип бесовских писем, раз уж ты его придумал, действует сам собой, как лилипуты и великаны у Свифта [1], или медицинская и этическая философия «Едгина» [2] или чудесный камень у Анстея [3]. Дай ему волю — и пиши хоть тысячи страниц. Настроить разум на бесовский лад легко, но неприятно, во всяком случае — забавляет это недолго. От напряжения у меня как бы сжало дух. Мир, в который я себя загонял, говоря устами беса, был трухлявым, иссохшим, безводным, скрежещущим, там не оставалось ни капли радости, свежести, красоты. Я чуть не задохнулся, пока не кончил книгу, а если бы писал дальше, удушил бы читателей.

Кроме того, меня раздражало, что книга моя — такая, а не другая, хотя «другую» никто бы не смог написать. Советы беса-руководителя бесу-искусителю надо было бы уравновесить советами архангела ангелу. Без этого образ человеческой жизни как-то скобочен. Но даже если бы кто-то гораздо лучший, чем я, добрался до таких высот, каким слогом он бы писал, в каком стиле? Стил и в самом деле неотторжим от смысла. Простой совет тут не годился бы, каждое слово должно издавать райское благоухание. А теперь не разрешают писать, как Трэерн [4], хотя бы вы и могли, — современная проза «функциональна» и потому утратила половину своих функций. (Честно говоря, «идеал стиля» предписывает не только «форму», но и «содержание».)

Годы шли, неприятные чувства забывались, я все чаще думал о разных вещах, о которых надо бы сказать через беса. «Писем» я твердо решил больше не писать, и в голове у меня вертелось что-то вроде лекции или беседы. Я то забывал ее, то вспоминал, как вдруг «Сатердей ивнинг пост» попросила меня что-нибудь дать, — и пистолет выстрелил.

К. С. Л.

Ад. Выпускной банкет бесов-искусителей. Ректор училища, д-р Подл, предложил выпить за здоровье гостей. Баламут, почетный гость, встал, чтобы провозгласить ответный тост:

«Ваше неподобие и вы, немилостивые господа!

Вошло в обычай на таких банкетах обращаться прежде всего к тем, кто только что окончил курс и вскорости начнет работу искусителя. Охотно подчиняюсь. Я помню, с каким трепетом ожидал первого назначения, и надеюсь — нет, уверен, — что каждый из вас немного волнуется сегодня. Путь открыт! Ад вам в помощь! Мы ждем от вас многого. Если же не дождемся, сами знаете, что будет.

Ни в коей мере не хотел бы угасить тот полезный, здравый страх, тот упорный ужас, который только подстегнет вас. Часто будете вы завидовать людям, которые как-никак забываются сном! Однако я все же приободрю вас, обрисовав нынешнюю ситуацию.

Наш многоунижаемый ректор в своей речи как бы просил прощения за скупость предложенных нам яств. Конечно, его вины здесь нет, но невозможно отрицать, что души, чьими муками мы питаемся, — самого низкого качества. Искусство лучших наших поваров не в силах придать им маломальский вкус.

Где Генрих VII [5], где Фарината [6], пускай хотя бы Гитлер? Тут было что поесть, было что истерзать! Какая злоба, какая жестокость, какой эгоизм — не хуже наших! А как отбивались! Огнем жгло...

Что же мы видим сейчас? Вот ели мы мэра со взятками. Не знаю, как вы, а я лично не обнаружил той зверской, страстной жадности, которая придает такой вкус воротилам прошлого столетия. Я убежден, что это — мелкий человечек, который глупо шутил, когда брал деньги, и глупо обличал нечестность, когда говорил речи, и тихо сползал сюда, к нам, сам того не замечая, — просто потому, что «все берут». Были тут и тушеные прелюбодеи. Нет, скажите мне, где в этой теплой тюре пламенная, яростная, буйная страсть? На мой вкус это бесполое дураки, которых занесло в чужую постель, — реклам насмотрелись, боялись старомодности, доказывали кому-то, что они «нормальные» или просто делать им было нечего. Честно сказать, меня, отведавшего Мессалины [7] и Казановы [8], чуть не стошнило. Профсоюзный лидер под желтым соусом — получше, он все-таки принес немало вреда. Как-никак по его вине лилась кровь, люди голодали, тирания сменяла свободу — но что толку? Он почти и не думал об этих достойных целях. Не ими он жил. Партийная линия, собственный вес, а главное — рутина, рутина...

Но суть не в том. Да, поживиться нечем; однако, надеюсь, вы — не рабы чревоугодия. Посмотрим, нет ли других, более весомых достижений.

Прежде всего, смотрите, сколько тут всего! Качество — хуже некуда, зато такого количества душ (если это души) еще не бывало.

Мало того, казалось бы, такие души — нет, кляксы от душ — и губить не стоит; но ведь Враг почему-то решил, что их стоит спасать! Поверьте, решил. Молодые, неопытные искусители представить себе не могут, как мы крутились, как вертелись, чтобы изловить их.

Трудность именно в том, что они ничтожно мелки. Они, мерзавцы, такие тупые, такие пассивные, так зависят от среды! Буквально никак не доведешь их до той свободы выбора, при которой грех становится смертоносным. Заметьте, надо их довести — и все, дальше идти нельзя, там другая опасность, они могут раскаться. А не доведешь — пойдут в лимб [9], ни в рай, ни в ад они не годятся. Не стали, говоря строго, людьми — что ж, опускайтесь ниже человека, многим даже нравится.

Выбирая то, что Враг назвал бы «дурным», существа эти почти (или совсем) не отвечают за свои действия. Им непонятно, откуда взялись и что означают нарушенные ими запреты. Совесть их невозможно отсоединить от социума, от среды. Конечно, мы старались, чтобы язык еще больше все запутал — скажем, взятку они называют «чаевыми» или «подарком». Искуситель должен прежде всего превратить их выбор в привычку (достигается повторением), а потом, что очень важно, — в принцип, который они готовы отстаивать. Тогда все пойдет как по маслу. Простая зависимость от среды, — может ли кисель устоять? — становится кредо, идеалом: «Как все, так и я». Сперва они просто не видели запрета, теперь у них что-то вроде убеждений. Истории они не знают и зовут нравственный закон Врага «пуританским» или «буржуазным». Так в самой их сердцевине возникает плотный, твердый сгусток — они намеренно идут, куда шли, и отвергают соблазны. Сгусток невелик, они ничего не знают о нем (они вообще мало знают), это не пламя какое-нибудь (куда там, не хватит чувств, да и воображения!), он даже аккуратненький, скромненький, словно камешек. Однако дело свое он делает: наконец они по собственной воле отвергают так называемую благодать.

Итак, мы вправе сделать два оптимистических вывода: 1) улов очень велик — вкуса в нем нет, зато не грозит голод, и 2) мастерство наших искусителей стало поистине виртуозным. Но есть и третий, быть может, самый важный.

Душ, чьи разложение и гибель дают нам возможность если не пировать, то не голодать, — душ этих, повторю я, все больше, а вот великих грешников — все меньше. Все меньше людей с могучими страстями, всею силою воли стремящихся к тому, чего не любит Враг. Улов наш растет, но раньше мы бросили бы такую дрянь Церберу [10]. Казалось бы, это прискорбно — на самом же деле все изменилось к лучшему. Хотел бы обратить ваше внимание на методы, с помощью которых мы этого добились.

Великие (вкусные) грешники — точно из того же теста, что и эти мерзкие твари, великие святые. Хорошо, вот такую мелочь и в рот не возьмешь. А каково Врагу? Для того ли Он создал людей, стал Одним из них, умер в муках, чтобы расплодились недочеловеки, годные лишь для лимба? Он хотел вывести породу богов, святых, таких, как Он. Да, нам невкусно, зато радость какая! Вы только подумайте, опыт Его не удался! Мало того, великие грешники приносят теперь гораздо больше пользы. Любой диктатор, что там — демагог, звезда экрана или эстрады ведет за собой тысячи тысяч. Нынешние малявки отдают все, что от них осталось, ему (ей), а значит, — нам. Вероятно, вскоре мы сможем заниматься считанными людьми.

Понимаете ли вы, как удалось нам превратить такое множество людей в нули без палочки? Это — не случайность. Это — ответ на самый дерзкий вызов, какой только был.

Разрешите напомнить, что творилось у них во второй половине прошлого века (как раз тогда я оставил частный искус и перешел на руководящую работу). Стремление к свободе и равенству начало приносить существенные плоды. Отменили рабство. Росла религиозная терпимость. Надо сказать, что в соответствующих движениях уже изначально были благоприятные элементы: атеизм, антиклерикализм, зависть, жажда мести, даже по-

пытки воскресить язычество (достаточно глупые). Мы не сразу решили, как к этому относиться. С одной стороны, нам было противно — и сейчас противно, — что голодных накормят, с узников снимут цены. С другой стороны, приятно видеть столько неверия, обмирщения, ненависти. Как их не поддержать!

К последним десятилетиям века все упростилось, но и ухудшилось. В английском секторе, где я в основном работаю, случилась страшная вещь: Враг почти прибрал к рукам, себе на пользу, прогрессивное и либеральное движение. От прежней вражды к христианству осталось очень мало. Повсюду развивалось преотвратительное явление, называвшееся христианским социализмом. Фабрикантов доброго старого типа, нажившихся на непосильном труде, не рабочие убивали — это бы хорошо! — а осуждали собратья, свой же класс. Богачи все чаще отдавали власть и деньги не от страха, не перед лицом насилия, а по велению совести. Бедные же вели себя хуже некуда. Мы резонно надеялись, что на свободе они пограбят как следует, поубивают, ну хоть запьют, а они, гады, стали чище, бережливей, образованней, что там — порядочней! Вы не поверите, господа, как близка была угроза, нравственного, здорового общества!

Благодаря всенижнему, отцу нашему, опасность мы предотвратили. Контрнаступление вели на двух уровнях. На глубоком — удалось развить и выявить то, что таилось в движении с самого начала: ненависть к личной свободе. Первым это обнаружил Руссо [11], которому поистине нет цены. Как вы помните, в его совершенной демократии разрешена только государственная религия, сохраняется рабство, а отдельному человеку говорят, что он, в сущности, хочет именно того, чего хотят власти. Исходя из этого, через Гегеля (еще один неоценимый помощник!) мы легко привели их и к нацизму, и к коммунизму. Даже в Англии мы немало сделали. Вчера я слышал, что человек там не может без разрешения срубить свое собственное дерево своим топором, распилить его своей пилой и построить сарай в своем саду.

Такова глубинная контратака. Однако вам, начинающим, никто не доверит работу на этом уровне. Вас приставят к частным лицам. Против них (или через них) вы будете действовать иначе.

Ключевое слово тут «демократия». Наши филологи хорошо поработали над человеческим языком, и вряд ли нужно предупреждать вас, чтобы вы не давали употреблять это слово в ясном, определенном значении. Они так не будут. Им в голову не придет, что это — название политической системы, точнее, системы голосования, весьма отдаленно связанное с тем, что вы пытаетесь им всучить. Конечно, нельзя допустить, чтобы они спросили, как Аристотель, что такое «вести себя демократично» — «угождать демократии» или «помогать ей сохраниться» [12]? Если спросят, еще, неровен час, догадаются, что это совсем не одно и то же.

Итак, ключевое слово употребляем как заклинание, не иначе, если хотите — как ярлык. Они его очень любят. Как-никак они мечтают о том, чтобы с каждым обращались одинаково. Надо незаметно сдвинуть рычажок в их сознании — от мечты, от идеала к вере в то, что все на самом деле одинаковы, особенно ваш подопечный. Тогда он освятит любимым словом самое душепагубное (и самое мучительное) из человеческих чувств. Без всякого стыда, весьма довольный собой, он решится у вас на то, что иначе осудил бы. Как вы понимаете, я имею в виду чувство, которое рождает фразу: «А я не хуже тебя!»

Прежде всего уже хорошо, что он поставил во главу угла явную, беспардонную ложь. Дело не только в том, что это неправда, что он не лучше, не добрее, не умнее всех; дело в том, что он и сам в это не верит. Произнося такую фразу, никто не верит ей. Если

бы кто верил, он бы так не сказал. Сенбернар не скажет этого болонке, ученый — невежде, красавица — дурнушке. Если выйти за пределы политики, на равенство ссылаются только те, кто чувствуют, что они хуже. Фраза эта именно и означает, что человек мучительно, нестерпимо ощущает свою неполноценность, но ее не признает.

Тем самым он злится. Да, его злит любое превосходство, и он отрицает его, отвергает. Если кто-то просто не такой, как он, ему обидно. Никто не имеет права иначе говорить, одеваться, развлекаться, есть. «Ах ты, как чистенько выговаривает! Ясно, загордился...», «Сосисок он, видите ли, не ест! Какой интеллигентный! Свой парень все бы лопал». Словом, что ж он, мерзавец, не такой, как я? Не-де-мо-кра-тич-но!

Явление это полезно, но ни в коей мере не ново. Люди знали его тысячи лет под именем зависти. Те, кто замечал это в себе, стыдились. Те, кто не замечал, осуждали в других. Нынешняя ситуация хороша тем, что вы можете это освятить — сделать приличным, даже похвальным — при помощи вышеупомянутого заклинания.

Тогда всякий, кто чувствует себя хоть в чем-то ниже других, сможет откровенно и успешно тянуть всех вниз, на свой уровень. Мало того, те, кто стал (или способен стать) похожим на человека, тут же одумаются, испугавшись, что это недемократично. Я знаю из надежных источников, что молодые существа нередко подавляют вкус к классической музыке или хорошей литературе, чтобы он не помешал «быть как люди»; те же, кто хотел бы стать честными или чистыми (а Враг им помог бы), сдерживают себя, чтобы не отличаться от других, не выделяться, не выставляться, не выпендриваться. Неровен час, станешь личностью. Какой ужас!

Прекрасно выразила это одна молодая особа, взывавшая недавно к Врагу: «Помоги мне стать нормальной и современной!» Нашими стараниями это значит: «Помоги мне стать потаскухой, потребительницей и душой!»

Недурны и отходы производства. Те, кто не желает «быть как все», «... как люди», «стать нормальным», «вписаться» и т.п. (их все меньше), становятся наконец гордецами и безумцами, какими их всегда и считали. Подозрительность часто создает предмет своих подозрений: «Что бы я ни сделала, меня сочтут ведьмой (или «шпионом»). Так и так пропадать, лучше уж я и впрямь...» Получаем мы интеллигенцию очень малочисленную, но чрезвычайно полезную.

Но это — отходы, не более. Главное же в том, что повсеместно и неуклонно растет недоверие, а там и ненависть к какому бы то ни было превосходству. Люди вынести не могут, что кто-то честнее, культурнее, умнее или образованнее их. Приятно смотреть, как демократия (заклинание) выполняет для нас ровно ту же работу, которую выполняли древнейшие диктатуры, и теми же самыми методами. Надеюсь, вы помните, что один греческий диктатор (тогда их называли тиранами) послал гонца к другому за советом — как править людьми? Второй диктатор повел гонца в поле и сбил тростью все колосья, которые были выше прочих. Мораль ясна: не разрешай никому выделяться. Не оставляй в живых того, кто умнее, смелее, лучше, даже красивее остальных. Уравняй всех, пусть будут рабами, нулями, ничтожествами. Тогда приходилось отрубать голову, теперь все идет своим ходом. Колосья пониже сами откусят голову у высоких. Что там, высокие откусят себе голову, только бы не выделяться!

Я уже говорил, что погубить начисто эту мелочь, которую и людьми не назовешь, — дело трудное и кропотливое. Но если не жалеть сил и стараний, результат обеспечен. Казалось бы, великих грешников губить легче. Это не совсем так — они непредсказуемы.

Забавляешься ими лет семьдесят, а на семьдесят первый, глядь, Враг и выхватит их из-под носа! Дело в том, что они могут покаяться. Они знают, в чем виноваты. Они готовы отринуть ради Врага все и всяческие условности, как отринули прежде ради нас. Изловить осу труднее, чем застрелить в упор слона, но, если промахнешься, слон причинит больше огорчений.

Сам я, как мы уже говорили, работал главным образом в английском секторе, и до сих пор получаю вести в основном оттуда. Возможно, то, что я скажу, не в такой мере относится к вашим секторам. Тогда, прибыв на место, внесите необходимые поправки. Если все это совсем неприменимо, постарайтесь, чтобы ваша страна максимально уподобилась Англии.

В этом многообещающем краю принцип «Я не хуже тебя» уже проник в систему образования. Насколько — сказать пока не решусь, да это и неважно. Уловив тенденцию, легко предсказать, что выйдет, особенно с нашей помощью. Нынешнее образование стоит на том, что тупиц и лентяев нельзя унижать, другими словами, — нельзя, чтобы они догадались, что хоть в чем-то отличаются от умных и прилежных. Какое бы то ни было отличие надо скрывать. Как? На разных уровнях — по-разному. На выпускных экзаменах в университете вопросы ставят так, чтобы ответил каждый. На вступительных — так, чтобы каждый мог поступить в университет, независимо от того, намерен ли он пользоваться высшим образованием. Школьникам, которым не по уму грамматика или арифметика, позволяют заниматься тем, чем они занимались дома, — скажем, лепить куличики и называть это «моделированием». Главное, никак и ничем не намекнуть, что они отличаются от тех, кто учит уроки. Какой бы чепухой они ни занимались, надо относиться к ней «так же серьезно» (в Англии удалось внедрить этот оборот). Мало того, успевающих учеников скоро будут оставлять на второй год, чтобы не травмировать прочих (Вельзевул немилостивый, что за слово!). В общем, дурак имеет право учиться вместе с ровесниками, а мальчик, способный понять Эсхила или Данте, пусть слушает, как он читает по складам: «Кош-ка си-дит на о-ко-шке».

Короче говоря, когда демократический принцип («Я не хуже...») внедрится как следует, можно рассчитывать на то, что образования вообще не будет. Исчезнут все резоны учиться и страх прослыть неученым. Тех немногих, кто все-таки жаждет знания, поставят на место, чтобы не высовывались. Да и учителям (точнее, нянькам) будет не до них — сколько кретинов надо подбодрить, сколько тупиц утешить! Нам больше не придется пестовать в людях самодовольство и невежество. Сами управятся.

Конечно, выйдет это лишь в том случае, если все школы будут казенными. Но тут беспокоиться не надо, уравниловка свое сделает. Налоги успешно уничтожат тот самый слой, тех людей, которые шли на жертвы, чтобы дать детям образование. Гибель этого слоя тесно связана с вышеупомянутым принципом. В сущности, именно он дал почти всех ученых, философов, богословов, медиков, художников, скульпторов, архитекторов и поэтов. Вот уж поистине целый сноп высоких колосьев! Как заметил один английский политик, «великие люди демократии не нужны».

Незачем спрашивать его, что он имеет в виду: «не нуждается» в них демократия или «не хочет, чтобы они были». Однако нам с вами следует в этом разобраться — ведь тут снова встает вопрос, заданный Аристотелем.

У нас в аду были бы очень рады, если бы сгинула демократия в узком, политическом смысле слова. Как любая форма правления, она нередко работает на нас — но реже,

чем все другие. А вот в нашем, бесовском смысле («как люди...», «не хуже тебя») она прекрасно справится с политической демократией.

Демократия в низшем смысле слова (так называемый «демократический дух») создает нацию без великих, нацию недоучек, неустойчивых нравственно, так как их еще в детстве распустили, начисто лишенных воли, так как с ними всю жизнь носятся, и чрезвычайно самоуверенных (невежество + лесть). Именно это нам и требуется. Когда такая нация столкнется с другой, где дети в школе трудились, дарование вознаграждалось, невеждам слова не давали, может выйти только одно...

Недавно некая демократия удивилась, что русские обогнали ее в астронавтике. Какой пленительный образчик человеческой слепоты! Если все работает на уравниловку, откуда взяться выдающимся ученым?

Мы должны способствовать тому поведению, тем привычкам, той направленности ума, которые так милы демократии, ибо именно они, если дать им волю, и разрушат демократию. Вы спросите, почему же люди этого не видят? Хорошо, читать Аристотеля — недемократично, но уж Французская революция могла подсказать, что поведение, любезное аристократам, разрушило аристократию. Примените это к своей форме правления — и все.

Однако я не хотел бы кончать на этой ноте. Ни в коем случае нельзя поддаваться заблуждению, которое мы прилежно пестуем в сознании наших жертв, — мысли о том, что судьба наций важнее, чем судьба отдельной души. Нам нужно, чтобы свободных стран становилось все меньше, рабовладельческих — все больше, не потому, что это приятно, а потому, что это вернее губит души. Только отдельный человек может спастись или погибнуть, стать сыном Врагу или пищей нам. Перевороты, войны, голод хороши лишь как средство, цель — злоба. Принцип «я не хуже тебя» прекрасно разрушает свободные сообщества, но, хорош он и как цель: такое состояние души заведомо исключает смирение, милость, радость, благодарение и благоговение, — словом, перекрывает едва ли не все дороги к Врагу...

А теперь перейдем к самому приятному. Мне выпала честь предложить от вашего имени тест за самого всенижнего и за наше училище. Наполним бокалы. Но что я вижу? Что за дивный запах? Не ошибся ли я? Беру обратно все мои сетования. Несмотря ни на что, в наших погребях есть фарисейское, самого высшего сорта. Прекрасно, прекрасно... Нет, просто, как в старое, доброе, время! Втяните этот запах, господа! Посмотрите вино на свет! Знаете ли вы, как его делают? Чтобы получился такой букет, загоняют в одну бочку фарисеев разного типа — тех, кто особенно ненавидел друг друга на земле. Одни пометались на правилах, мощах и четках, другие — на унылой суровости и мелких, ритуальных отказах (от карт, от вина, от театра). Зато и те и другие уверены в своей праведности, а разница между их воззрениями и тем, чего хочет Враг, почти бесконечно велика. Живой в их вере была лишь ненависть к другим исповеданиям; брань — их благовествование, клевета — их псалом. Как ненавидели они друг друга там, где светит солнце! Насколько больше ненавидят теперь, когда соединены навеки! Очутившись вместе, они так удивились, так разозлились, нераскаянная злоба так растравила их, что напиток — поистине огненный. Такой, понимаете ли, темный пламень. Худо нам будет, друзья мои, когда исчезнет с земли то, что большинство людей зовет «религией»! Явление это поставляет нам прелюбопытнейшие, превосходнейшие грехи. Изысканный цветок нечестия растет лишь под сенью святости. Нигде не пожинаем мы столько, сколько на ступенях алтаря.

Ваше темнейшество, ваши неподобия и вы, немилостивые господа, выпьем же за наше адоспасаемое училище!»

1958 г.

Перевод выполнен Н. Л. Трауберг в 1977 г.

[1] Свифт Джонатан (1667-1745) — английский писатель, автор книги «Путешествия Гулливера».

[2] «Едгин» — речь идет о романе английского писателя Сэмюэля Батлера (1835-1902) «Erehwon: or Over the Range» (1872). Слово «egewhon» — это английское «nowhere» («нигде»), написанное наоборот.

[3] Чудесный камень у Анстея — Анстей — псевдоним английского писателя Т. Гатри (1856-1934), автора юмористических волшебных историй.

[4] Трэерн Томас (ок. 1637-1674) — английский поэт и мыслитель.

[5] Генрих VII (1491-1547) — английский король с 1509 г. Он порвал отношения с Римом и потребовал от своих подданных признания короля главой церкви, за что был предан анафеме Ватиканом. Нововведения короля проводились в жизнь с невероятной жестокостью.

[6] Фарината дельи Уберти (род. в нач. XIII в.) — лидер флорентийских гибеллинов (сторонников императорской власти). Он не раз одерживал победу над гвельфами (приверженцами папства). В 1283 г. суд инквизиции посмертно осудил Фаринату как еретика. Данте изобразил его страдающим в третьем круге ада.

[7] Мессалина Валерия (ок. 22-48) — жена римского императора Клавдия. Была известна жестокостью и распутством.

[8] Казанова Джакомо (1725-1798) — знаменитый итальянский авантюрист, прославившийся своими бесчисленными любовными похождениями при дворах европейских монархов.

[9] Лимб — преддверие ада, его первый круг. Данте поместил в него некрещеных младенцев и добродетельных нехристиан.

[10] Цербер — в греческой мифологии пес, охраняющий вход в царство Аида. Он беспрепятственно пускал всех сходящих туда, но проглатывал тех, кто пытался выбраться наружу. Позднее распространилось представление, что он угрожает и всем входящим в подземную обитель. У Данте Цербер — трехголовое бесовское чудовище с чертами пса и человека, в третьем круге ада пожирающее чревоугодников.

[11] Руссо Жан Жак (1712-1778) — французский мыслитель эпохи Просвещения. Занимал антипрогрессистскую позицию, отрицая роль наук и искусств в улучшении нравов, выступал за приоритет общественного перед личным.

[12] ...спросили, как Аристотель, что такое «вести себя демократичное» — см.: Аристотель. Собр. соч. М., 1983. Т. 4 (Политика. Кн. 4).